

Человеческое и нечеловеческое в постсекулярном мире

Научный руководитель – Львов Александр Александрович

Груздев Алексей Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: gruzdev457@yandex.ru

Вместить возможность и перспективы различного «обращения» языков между формами действия и мышления — одна из задач постсекулярности, которая может стать не установлением более обширной власти (с последующим включением всё большего количества «переведённых форм»), но новой межъязыковой коммуникацией как между профессиональными сообществами, так и в глобальном контексте. Хабермас предполагает, что вероятность свободы человеческого заключается в откладывании проведения границы идентичности, наследуя понимание плюрализма Арендт: включение в «собственное» Другого как в то, что напрямую относится ко мне, не факультативно и не в заданных нормах «культурного диалога» или исключительного взаимодействия, которое только бы подчёркивало границу идентичности и возможных действий. Можно сказать, что ведущей для постсекулярности может стать «сродность», о которой справедливо говорить и в контексте понимания общности и отдельности жизни, при этом не устанавливая конечных пределов ни в общностях, ни в том, что становится уникальным свойством. «Сродность» предложена Тимоти Мортонем в контексте его осмысления марксистской программы («Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом»), где шансом на успешную (слово успех можно понимать широко, в качестве любой позиции, сохраняющей свободу) современность становится включение в мир не-человеческого, а точнее принимая в качестве того, что он называет «солидарностью» как поддержание удовольствия не-человеческих существ. Формам действия и мысли, как кажется, стоит посмотреть на то, как может осуществляться солидарность, продолжая ту же задачу, которую поставил Хабермас — перевести удовольствие или успешность на не-человеческий язык и, кроме того, остаётся та же странность границы идентичности человеческого и непосредственное отношение этого процесса к современности, причём в окружающей повседневности, не в исключительных случаях или вероятных прогнозах (которыми отпугивает консьюмеристская экология): «Солидарность обнаруживается не в прошлом и не в будущем, взятых по отдельности, а в сиюминутности, то есть в соотносительном движении. Вместе с тем, неясность, которая и составляет призрачность вещей, отнюдь не подразумевает неопределённость. Автор демонстрирует это на примере поведения квантовых систем — суперпозиция состояний не означает их перемешивание: у самих состояний, пусть они и налагаются друг на друга, остаются собственные границы, хотя их локализация оказывается затруднительной, и при этом «неясность» суперпозиции указывает как раз на «точность» фактического состояния». Как видно, возможность такого отношения к любому «автору» — это значительная часть постсекулярного опыта, в широком смысле опыта включения уже не столько «инаковости», сколько «призрачности» и «странности». Следует подробнее остановиться на этих двух моментах, которые могут быть не просто метафорическими высказываниями или клише т.н. «dark academy», но действительными и масштабными позициями, в первую очередь, по отношению к формам-жизни (пользуясь словом Агамбена). «Призрачность», о которой прямо пишет Мортон, для него присуща любому из объектов (которые

и составляют сущее в объектно-ориентированной онтологии), она заключается в постоянно оказывающемся несоответствии между данностью и перспективой этого данного. Человеческое и не-человеческое имеют, таким образом, регистр «ещё-не», то есть, продолжая «неясность», но при этом не устанавливая «тотального», абсолютного различия благодаря продолжению «сродности» в общей перспективе. С другой стороны, «призрак» возникает в уже процитированном тексте Хабермаса и у Квентина Мейясу: в обоих случаях как то, что обездвиживает наше положение в футуральном отношении: невозможность никакой компенсации и гарантий, общая незащищённость возникает не подобно экзистенциалистской «заброшенности», но как результат собственно человеческих поступков. Для Хабермаса этот пункт — один из наиболее проблематичных в ситуации постсекулярности, так как «секулярные языки, которые просто элиминируют то, что когда-то имело смысл, вызывают недоумение». Проблема «переводимости», таким образом, довлеет и над юриспруденцией, и над этикой, и становится важнейшей задачей в установлении действенной перспективы будущего.

Источники и литература

- 1) Мейясу. К. Дилемма призрака
- 2) Мортон Т. Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом
- 3) Мортон Т. Статья экологичным
- 4) Хабермас Ю. Вера и знание
- 5) Хабермас Ю. Техника и наука как идеология